

А.С. Жанбосинова*, Н.А. Потапова**

A.S. Janbosinova*, N.A. Potapova**

Масштабы и региональные особенности «национальных» операций в Казахской ССР*****Scale and regional features of "national" operations in the Kazakh SSR**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-1-9

УДК 94(47)–1937/1938

Выходные данные для цитирования:

Жанбосинова А.С., Потапова Н.А. Масштабы и региональные особенности «национальных» операций в Казахской ССР // Исторический курьер. 2019. № 1 (3). Статья 9. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-09.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-1-9

How to cite:

Zhanbosinova A.S., Potapova N.A. Scale and regional features of "national" operations in the Kazakh SSR // Historical Courier, 2019, # 1 (3). Article 9. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-09.pdf>

Abstract: The article is devoted to the peculiarities of the "national" operations of 1937–1938 in the Kazakh SSR. The "linear" actions of the Great Terror took second place in the statistics of the NKVD, after the "kulak" repressive action realized on the basis of the order of the NKVD of the USSR № 00447 dated July 30, 1937. Protocols of extrajudicial instances of the Kazakh SSR and departmental documentation of the NKVD allowed identifying ten punitive actions held in the republic. They included the "Polish", "German", "Harbin", "Estonian", "Finnish", "Greek", "Mixed", "Latvian", "Iranian" and "Romanian" operations. About 70 % of the repressed were victims of the "Harbin", "Polish" and "German" operations. In terms of the number of victims of prosecution, those prosecuted by the order № 00593 took the first place in the series of "national" punitive actions in the Kazakh SSR.

Keywords: Great Terror; Kazakh SSR, "national" operations; "album" order of conviction; Commission of the NKVD and the Prosecutor of the USSR; Special troika.

The article has been received by the editor on 30.11.2018.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация: Статья посвящена особенностям проведения «национальных» операций 1937–1938 гг. в Казахской ССР. «Линейные» карательные акции Большого террора заняли второе место в статистике НКВД, после «кулацкой» репрессивной акции, реализованной на основании приказа НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. Протоколы внесудебных инстанций по Казахской ССР, а также ведомственная документация НКВД позволили выделить десять карательных акций, проводившихся в республике, а именно: «польскую», «немецкую», «харбинскую», «эстонскую», «финскую», «греческую», «смешанную», «латвийскую», «иранскую» и «румынскую». Около 70 % репрессированных прошли по «харбинской», «польской» и «немецкой» операциям. По численности жертв преследования по приказу № 00593 заняли первое место в серии «национальных» карательных акций в Казахской ССР.

* **Жанбосинова Альбина Советовна**, д- ист. наук, профессор кафедры истории Казахстана Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан), e-mail: sovetuk@rambler.ru

Zhanbosinova Albina Sovetovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Kazakhstan, S. Amanzholov East-Kazakhstan State University (Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan), e-mail: sovetuk@rambler.ru

** **Потапова Наталья Анатольевна**, независимый исследователь, e-mail: skna17talya@mail.ru

Potapova Natalia Anatol'yevna, independent researcher, e-mail: skna17talya@mail.ru

*** *Статья написана в рамках Проекта КН МОН РК ИРН: АР05130870 «Память о жертвах политических репрессий (1920–1950-е гг.) и ее фиксация в сакральном ландшафте Казахстана (на примере Восточного Казахстана)».*

Ключевые слова: Большой террор; Казахская ССР; «национальные» операции; «альбомный» порядок осуждения; Комиссия НКВД и Прокурора СССР; Особые тройки.

Термин «массовые операции» в документах НКВД появился в конце 1930-х годов. Под ним понимались репрессивные акции, проводимые чекистами в 1937–1938 гг. в масштабах всего Советского Союза. По данным НКВД СССР, с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. преследованиям подверглось около 1,4 млн человек¹. «Кулацкая» операция, нацеленная на борьбу с «бывшими», запущенная приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г., стала крупнейшей массовой карательной акцией Большого террора. В ее ходе было репрессировано около 700 тыс. человек «Национальные» («линейные») операции заняли второе место в статистике НКВД. В рамках «линейных» приказов внесудебные инстанции осудили около 347 тыс. человек².

Проведению «линейных» операций 1937–1938 гг. предшествовала долгая подготовительная работа. Начиная с 1933 г. учет лиц, въезжающих в страну, становится тотальным. Подучетными категориями становились перебежчики, реэмигранты, политэмигранты, работники иностранных концессий, военнопленные и др. С 1934 г. по лето 1937 г. Особый отдел ГУГБ НКВД направлял в республиканские НКВД, областные и краевые УНКВД ориентировки о ликвидации в Москве «диверсионно-террористических и разведывательных организаций» иностранных разведок, преимущественно польской, немецкой и японской. В оперативных документах приводились примеры подготовки шпионов и диверсантов, иллюстрировалась их провокаторская деятельность на территории СССР³. Назывались различные молодежные организации, учебные курсы и школы, в которых, по мнению сотрудников НКВД, готовились диверсанты, террористы, разведчики для последующей их переброски в СССР⁴. Военная промышленность, транспорт, гражданская и военная авиация, ряды Красной Армии были определены ориентировками как основные места проникновения «шпионов»⁵. Именно здесь сотрудники НКВД обнаруживали и ликвидировали «диверсионные группы». Помимо Москвы и Московской области, «агенты иностранной разведки» разместились на всей территории СССР⁶. Ориентировки сопровождалась протоколами допросов или обвинительными заключениями по «раскрытым» делам. В первой половине 1930-х гг. по СССР органы ОГПУ-НКВД проводили аресты по обвинению в «польском», «немецком», «японском» и др. шпионаже, однако репрессии не были масштабными. Документы, приходившие из Москвы, служили пособием при ведении следствия, а также вестником предстоящих репрессий против обозначенных целевых категорий.

Идеологическое обоснование репрессиям в отношении «инонационалов» дал февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. В докладе «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» И.В. Сталин призвал «выявлять и уничтожать» «вредителей», «диверсантов» и «агентов» из числа «бывших» и «чуждых». По мнению советского лидера, все перебравшиеся из-за границы – реальные или потенциальные враги, так как они являются представителями враждебных государств. И.В. Сталин полагал, что такие страны ставят перед собой задачу уничтожения и ослабления Советского Союза. Именно поэтому они ведут против СССР непрерывную подрывную работу, а значит,

¹ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 17.

² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. / под ред. В. Данилова, П. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000–2005. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2. С. 156.

³ Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (далее – ОГА СБУ). Ф. 13. Д. 144. Л. 1.

⁴ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 273. Л. 2.

⁵ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 1088. Л. 1.

⁶ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 99. Л. 18.

находятся по отношению к нему в состоянии необъявленной (до времени) войны. Соответственно, с их агентами следует поступать по нормам военного времени⁷.

В марте 1937 г. нарком внутренних дел Н.И. Ежов дал указание перестроить работу НКВД СССР таким образом, чтобы «быть способными к активному наступлению против всех врагов советского строя», отметив «возможность военного нападения фашистских государств» и «лихорадочную деятельность разведок». В мае 1937 г. территориальные органы НКВД на закрытых заседаниях обсуждали распоряжение некоего «особого совещания ЦК ВКП(б)», в котором говорилось об очистке страны от «японо-германотроцкистско-бухаринской агентуры»⁸. Массовые аресты различных «диверсионно-повстанческих», «вредительских» и «кулацких группировок» стартовали еще в апреле 1937 года⁹. В середине июля 1937 г. Н.И. Ежов на совещании НКВД проинформировал о предстоящих массовых арестах поляков, немцев и «харбинцев» (бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги и реэмигранты из Китая)¹⁰. Территориальным карательным органам предписывалось в рамках подготовительных мероприятий провести изучение своих учетов, просмотреть показания сексотов, справок «спецчастей» предприятий,строек, государственных учреждений. Полученным материалам был придан статус формальных данных для подготовки к аресту всех «неблагонадежных». Эти мероприятия сопровождалась арестами по обвинению в участии в «диверсионно-повстанческих», «вредительских» и «кулацких» группировках.

Еще один важный этап в проведении карательных акций заключался в подготовке советского общества к массовым репрессиям при помощи искусственного раскручивания шпиономании. С марта 1937 г. в советской печати стали появляться статьи о шпионско-диверсионной работе иностранных разведок в СССР. Почти ежедневно на страницах советской периодики выходили статьи, которые обличали иностранцев, прибывших из «капиталистических» стран, в «шпионской» деятельности. Установлено, что такие работы писались под псевдонимами сотрудниками НКВД, проверялись наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым и лично И.В. Сталиным¹¹. В конце каждой статьи, опубликованной на страницах советской печати весной–летом 1937 г., размещались призывы к усилению бдительности, к борьбе с иностранными разведками, к разоблачению врагов и т. д. Количество и очередность вышедших публикаций, их широкое обсуждение на партийных собраниях и собраниях трудовых коллективов привели к тому, что все советское общество было охвачено шпиономанией.

На волне шпиономании 25 июля 1937 г. вышел оперативный приказ НКВД СССР № 00439, предусматривавший аресты германских подданных в пятидневный срок. Через несколько дней, 30 июля 1937 г. нарком внутренних дел Н.И. Ежов запускает следующую карательную акцию по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов. По мнению М. Юнге, с выходом приказа № 00447 террор в СССР стал Большим¹².

Репрессии в стране санкционировало постановление Политбюро ЦК ВКП(б). На постановлениях, открывающих «национальные» карательные акции, имеются подписи И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, К.Е. Ворошилова и др. За июль 1937 – ноябрь 1938 гг. высшую партийную санкцию получили семь карательных приказов, меморандумов и директив: немецкий (№ 00439 от 15 июля 1937 г.), польский (№ 00485 от 11 августа 1937 г.) и «харбинский» (№ 00593 от 20 сентября 1937 г.) приказы, латышский

⁷ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 95–109.

⁸ Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 216.

⁹ Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010. С. 332.

¹⁰ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 366.

¹¹ Хлевнюк О.В. Сталин: Жизнь одного вождя: Биография, М., 2015. С. 225–226.

¹² Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003.

(№ 49990 от 30 ноября 1937 г.), иранский (№ 202 от 29 января 1938 г.), афганский (№ 326 от 16 февраля 1938 г.) меморандумы и директива по греческой операции (№ 50215 от 11 декабря 1937 г.). В конце января 1938 г. постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о продлении репрессий среди населения по признаку национальной принадлежности активизировало еще несколько операций, в том числе румынскую, финскую, эстонскую, болгарскую, македонскую, китайскую¹³, хотя «румынская» акция в Украине началась еще в августе 1937 г., параллельно с «польской», «финская» – в Ленинградской области и Карелии в сентябре – октябре 1937 г., «китайская» – на Дальнем Востоке в конце декабря 1937 г. Таким образом, Политбюро своим решением от 31 января 1938 г. только переводило уже идущие репрессии регионального масштаба в общесоюзный формат. Справедливо предположить, что некоторые «национальные» операции проводились по инициативе территориальных органов НКВД СССР.

Возможно, именно для удовлетворения притязаний региональных карательных органов в январе 1938 г. Н.И. Ежов «запустил» так называемую смешанную операцию. В целом «смешанная» карательная акция стала одиннадцатой «национальной» операцией, которую, условно, можно разделить на две подоперации. Первая – это репрессии против «неблагонадежных» групп населения, в отношении которых чекисты не проводили отдельной «национальной» операции. Вторая подоперация была направлена на целевые категории действующих карательных акций («польская», «немецкая», «харбинская» и др.), что приводило к интенсификации террора. Собственно, из-за объединения разных операций в одну данная карательная акция и получила такое название. В период работы Особой тройки (осень 1938 г.) «смешанная» операция распалась на отдельные карательные операции, в том числе «болгарскую», «бессарабскую», «итальянскую» и др. (в зависимости от региона).

Итак, в общесоюзном масштабе органы НКВД проводили одиннадцать «национальных» операций, а именно: «польскую», «немецкую», «харбинскую», «латышскую», «финскую», «иранскую», «греческую», «румынскую», «эстонскую», «смешанную», «афганскую». Проведенный авторами анализ решений внесудебных инстанций за август 1937 – начало сентября 1938 гг. позволяет сделать вывод о том, что в одних регионах СССР «национальных» линий было больше, в других – меньше. Кроме того, не во всех регионах репрессивные линии качественно совпадали. Так, например, в Украинской ССР было проведено девять карательных акций, в том числе чешская, которая не определялась как общесоюзная¹⁴. Поэтому по решению Комиссии НКВД и Прокурора СССР она стала частью «смешанной» линии. В Грузинской ССР явно обозначилось «турецкое» направление, которое также стало частью «смешанной» карательной акции¹⁵.

Репрессии по «национальным» операциям в каждой республике, крае, области имели свою специфику и, как нам представляется, были непосредственно связаны с географическим положением региона. Особенно это отразилось в приграничных районах. Так, например, в УССР масштабные карательные акции были проведены по приказам № 00485, 00439, а также по «румынской» линии. В Крыму, Донецкой и Одесской областях Украины, Краснодарском крае репрессии затронули прежде всего греков. Чистки против эстонцев, финнов, латышей и литовцев проходили в основном в Белоруссии и Украине, в центральных районах РСФСР. Афганцев выселяли за пределы СССР с территорий Туркменистана и Таджикистана. Массовая борьба с китайцами и корейцами велась на Дальнем Востоке, а также в Восточной

¹³ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 468–469.

¹⁴ «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг., в 2 т., сост.: М. Юнге, С.А. Кокин, Р. Биннер, А.О. Довбня, Б. Бонвеч, И.Е. Смирнова, Г.А. Бордюгов; под общ. ред. О.А. Довбни, Л.С. Макаровой. М., 2010. Т. 2: 1938–1941 гг. Второй этап репрессий. Завершение Большого террора и восстановление «социалистической законности». С. 150.

¹⁵ *Потапова Н.А.* «Национальные» операции НКВД СССР в советских республиках Южного Кавказа (сентябрь 1937 – ноябрь 1938 гг.) // Вестник архивов Армении. 2018. № 126. С. 293–306.

Сибири. В Закавказье, особенно в Азербайджанской ССР, главный репрессивный удар пришелся на иранцев и иранских армян.

Операции против «инонационалов» и «инограждан» планировалось провести за три месяца, завершив их к концу 1937 г., но сроки неоднократно сдвигались. Только 17 ноября 1938 г. вышло совместное Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» о прекращении всех массовых операций, а последовавший за ним приказ НКВД № 00762 отменил все оперативные приказы и директивы.

Массовость репрессий по «национальным» операциям обеспечивали внесудебные инстанции. Для вынесения приговоров в отношении «инонационалов» и «инограждан» был создан внесудебный орган – Комиссия НКВД и Прокурора СССР (двойка) в Москве, в состав которого входили нарком внутренних дел Н.И. Ежов и прокурор СССР А.Я. Вышинский, иногда их заместители – М.П. Фриновский, Г.К. Рогинский, Л.Н. Бельский, Г.М. Леплевский и др. Основная задача двойки выражалась в утверждении репрессивных решений, без ее санкции приговоры не могли приводиться в действие. Отнесение обвиняемых к первой (расстрел) или второй (лагерь) категории на основании следственных материалов производилось народными комиссарами внутренних дел республик, начальниками краевых и областных УНКВД вместе с прокурорами соответствующих регионов (своеобразная региональная двойка). После избрания меры наказания территориальные сотрудники НКВД составляли «альбомные» справки, каждую из которых подписывал начальник НКВД (УНКВД) и прокурор. Коллегиальности в принятии решений на этом уровне не было. Первым подписывал «альбомы» глава управления НКВД, а на следующий день прокурор, что свидетельствует о второстепенной роли прокуратуры в проведении массовых репрессий. Однако прокуратура выступала «блюстителем советской законности» и для оправдания массовых чисток ее участие в проведении репрессий было необходимо.

В «альбомной» справке указывались биографические данные и краткие следственные материалы, характеризующие степень «виновности». Справки с предъявленным обвинением по линиям шпионажа, заданным соответствующим «национальным» приказом (польский, германский, японский, латвийский, эстонский шпионаж и т. д.) сшивались в «альбом», отдельно по «польской», «немецкой», «харбинской» и др. операциям. «Альбом» сопровождался списком с перечислением указанных в нем лиц с отнесением к первой или второй категориям. Приговоры выносились и утверждались на основании «альбомных» справок без обращения к следственному делу. «Альбомы» оформлялись в четырех экземплярах и направлялись наркому внутренних дел Н. И. Ежову, его заместителю М.П. Фриновскому, начальникам третьего и восьмого отделов ГУГБ НКВД СССР А.К. Минаеву (до марта 1938 г.) и В.Е. Цесарскому (до августа 1938 г.) соответственно. Фактически, в организации репрессивных кампаний был задействован весь Центральный аппарат НКВД СССР. Проведенный автором анализ «альбомов» по Украинской, Грузинской, Армянской, Азербайджанской, Казахской, Киргизской советским республикам, Новосибирской, Читинской, Иркутской областям, Алтайскому, Красноярскому, Дальневосточному краю показал, что критерием «преступности», в первую очередь, выступала не этничность, а рождение или проживание во «враждебной» «капиталистической» стране или поддержание с ней любой связи. Поэтому сотрудники НКВД СССР относили «харбинскую» операцию к числу «национальных», проводя репрессии на основании «связи с японским государством», оккупировавшем Корею и Маньчжурию.

«Национальные» операции были направлены на определенные целевые категории, которые задавали «польский», «харбинский», «немецкий» приказы. В общесоюзном масштабе аресты проводились среди военнопленных, политэмигрантов, перебежчиков, «польских и консульских связей», белоэмигрантов, этапированных в СССР, служащих иностранных предприятий, заключенных, отбывающих или уже отбывших срок за иностранный шпионаж и т. д. Легко заметить, что все указанные категории объединены

одним признаком – «связь с границей», т. е. «подозреваемыми» в шпионаже становились те, кто родился, учился, работал за границей, бывал в командировках или в гостях, поддерживал контакты с иностранными родственниками, друзьями или коллегами, общался с подданными других стран, находившимися в СССР, в том числе с дипломатами, послами, консулами, работал на иностранных предприятиях и т. д. В целом же, этничность, неблагоприятный социальный статус и «антисоветское» поведение увеличивали «шансы» для репрессий. К таким факторам также относилось место работы: «национальные» операции, в первую очередь, затронули государственные сферы, связанные с обороноспособностью страны – Красную армию, аппарат НКВД, оборонную, машиностроительную, угольную, нефтяную, химическую промышленность, черную и цветную металлургию, железнодорожный транспорт.

Комиссия НКВД и Прокурора СССР не всегда утверждала предложенные регионами меры наказания, зачастую приговоры могли быть смягчены. Поступившие из регионов «альбомы» просматривались сотрудниками ГУГБ НКВД СССР. На каждой «альбомной» справке черным карандашом соответствующими буквами и цифрами помечали меру наказания (Р (расстрелять), 10, 8, 5, 3, Д (доследовать), ВК (Военная коллегия Верховного суда СССР), суд, ВТ (военный трибунал), ссылка, высылка). Справки на лиц, отнесенных ко второй категории, изымались и передавались на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР. На основе списков из регионов формировались отдельные протоколы по существующим «национальным» операциям (№№ 00485, 00439, 00593, 50215, 202, 49990, 326) с указанием соответствующего номера приказа или с указанием страны, в пользу которой якобы осуществлялась шпионская и диверсионная деятельность (Румыния, Болгария и т. д.).

За день Комиссия НКВД и Прокурора СССР подписывала приговоры более чем на 2 тыс. человек¹⁶. К протоколам двойки прилагалась краткая справка-инструкция, подписанная начальником 8-го отдела ГУГБ НКВД, которая рекомендовала местным органам НКВД приводить расстрельные приговоры в исполнение немедленно. На осужденных к исправительно-трудовым лагерям из Москвы в регионы высылались выписки из постановлений ОСО. После исполнения приговоров управления НКВД высылали в 8-ой отдел УГБ НКВД СССР дела на убитых и расстрельные акты. Сложная схема осуждения «инонационалов» была выстроена с целью быстрого рассмотрения дел, но уже вскоре она показала свою несостоятельность, хотя был задействован весь Центральный аппарат НКВД СССР. Региональные органы НКВД направляли «альбомы» в Москву еженедельно, как и предписывали приказы №№ 00485 и 00593. В первые недели проведения «национальных» операций, двойка выносила решение в течение двух – трех дней, постепенно этот срок увеличивался и уже к декабрю 1937 г. составлял до трех недель. Стало очевидно, что Комиссия НКВД и Прокурора СССР не справляется с рассмотрением дел, приходящих со всех республик, областей и краев страны.

К весне 1938 г. «национальные» операции заняли главное место в репрессивной политике СССР, так как лимиты по «кулацкой» операции к этому времени многими регионами были выполнены, поэтому теперь главный удар региональные органы НКВД (УНКВД) перенесли на «националов». На весну 1938 г. приходится пик их арестов. Двойка не справлялась с объемом работы. К августу 1938 г. в Москве было накоплено более 100 тыс. «альбомных» справок¹⁷. Тюрьмы были переполнены. Начавшиеся чистки сотрудников советских спецслужб в свою очередь деморализовали работу Центрального аппарата НКВД. Почти полная остановка работы Комиссии НКВД и Прокурора СССР произошла летом 1938 г. В этот период число утвержденных и отправленных на места протоколов резко сократилось.

¹⁶ Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиума ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии от 9 февраля 1956 г. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/55752> (дата обращения: 04.12.2018).

¹⁷ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 28.

Так, по «харбинской» операции за июнь – июль 1938 г. было подписано только 12 протоколов, в то время как за апрель – май 1938 г. – 40¹⁸.

УНКВД тоже были перегружены работой, особенно городские и районные аппараты. Оперативные сотрудники не успевали заполнять анкеты арестованных, поэтому к репрессивной работе были привлечены сотрудники вспомогательных аппаратов и мобилизованы члены партии из других ведомств. Мобилизованные участвовали в арестах, заполняли сопутствующую документацию, сторожили арестованных, поставленных на «выстойку», принимали участие в избиениях. «Психоз» уничтожения «пятой колонны» охватил широкие массы.

В такой обстановке Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о передачи карательных полномочий по «национальным» операциям на места в компетенции Особых троек. В последний месяц лета 1938 г., перед передачей репрессивных функций, Комиссия НКВД и Прокурора СССР в спешке разбирала «альбомы». Несмотря на предпринятые меры, двойка не успела разобрать все накопленные «альбомы», и в начале сентября передала нерассмотренные списки на места. Особой тройке, организованной по приказу № 00606 от 17 сентября 1938 г., в состав которой входили первый секретарь обкома, крайкома ВКП(б) или республиканского ЦК партии, начальник соответствующего управления НКВД и прокурор области, края, республики, предписывалось завершить рассмотрение «альбомных» справок по «национальным» операциям в двухмесячный срок.

Остановимся подробнее на количестве осужденных по «национальным» операциям в Казахской ССР в августе 1937 – ноябре 1938 гг. и особенностях их проведения. «Альбомы» на рассмотрение Комиссии НКВД и Прокурора СССР поступали в Москву из Алма-Аты, подписанные наркомом внутренних дел Казахской ССР и республиканским прокурором. Территориальные УНКВД не обладали правом оформлять и подписывать «альбомные» справки, как, например, это могли делать областные чекисты Украинской ССР. «Национальные» операции стартовали в республике сравнительно поздно. Первый «альбом» по приказу № 00485 на 16 человек был отправлен в Москву только в начале октября 1937 г. (через два месяца после начала массовых карательных акций)¹⁹, хотя согласно приказу № 00485 списки на арестованных должны были поступать в столицу еженедельно²⁰. В середине сентября 1937 г. нарком внутренних дел республики Л.Б. Залин рапортовал Н.И. Ежову о 405 арестованных по «польской» карательной акции²¹. Цифры явно были завышены и не имели ничего общего с реальным положением дел.

Согласно данным протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР в республике в «альбомном» порядке всего было осуждено 2988 человек, что составило около 1,2 % от общего количества жертв «линейных» приказов. Главное место в статистике казахских чекистов заняли «польская», «харбинская», «смешанная» и «немецкая» операции. Решения двойки для Казахской ССР отличались особой жестокостью, высшая мера наказания была применена к 87 % репрессированных, в то время как в общесоюзном масштабе этот показатель составлял 73 процента²².

С августа 1937 г. по сентябрь 1938 г. в Казахстане реализовывалось десять «национальных» карательных акций. Аресты по приказу № 326 («афганская» операция) в республике также имели место. По решению Комиссии НКВД и Прокурора СССР, задержанные в рамках «афганской» карательной акции в Казахской ССР были включены в

¹⁸ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. (Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР по приказу № 00593)

¹⁹ Архив УФСБ по Омской области. Ф.6. (Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР по приказу № 00485).

²⁰ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 301–303.

²¹ Там же. С. 373–375.

²² ЦА ФСБ. Ф. 80с. Оп. 1. Пор. 70. Л. 18.

«смешанные» протоколы²³. Сюда же попали лица, которым инкриминировали «эстонский» и «китайский» шпионаж. Так называемая китайская операция как отдельная «национальная» карательная акция органами НКВД запущена не была, хотя она была рекомендована к проведению Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 г. параллельно с «румынской», «финской», «эстонской», «болгарской», «македонской» линиями²⁴. Предполагалось, что целевыми категориями «китайской» карательной акции станут китайцы, проживающие в СССР и заподозренные в «японском» шпионаже. Однако органы НКВД репрессировали лиц китайской национальности в рамках приказа № 00593²⁵.

Таблица 1

**Численность осужденных Комиссией НКВД и Прокурора СССР
по «национальным» операциям в Казахской ССР**

| Операции | Всего рассмотрено | ВМН | ИТЛ | Прочее |
|--------------|-------------------|--------------|------------|------------|
| польская | 1 055 | 911 | 128 | 16 |
| харбинская | 756 | 680 | 27 | 49 |
| смешанная | 464 | 404 | 28 | 32 |
| немецкая | 323 | 302 | 6 | 15 |
| румынская | 171 | 128 | 39 | 4 |
| иранская | 110 | 92 | 8 | 10 |
| латышская | 48 | 42 | 5 | 1 |
| финская | 34 | 31 | 3 | 0 |
| эстонская | 25 | 15 | 10 | 0 |
| греческая | 2 | 2 | 0 | 0 |
| Всего | 2 988 | 2 607 | 254 | 127 |

Составлено по: Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. (Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР по «национальным» операциям).

«Китайская» карательная акция, запущенная чекистами Казахской ССР, была направлена на казахов, которые в разное время пребывали на территории Западного Китая. Им инкриминировали не «японский» шпионаж, а «китайский». Арестованных здесь лиц китайской национальности проводили по приказу № 00593, как и в других регионах СССР. Около половины репрессированных (около 230 человек), прошедших по «смешанной» операции в Казахской ССР, составили казахи, обвиненные в шпионаже в пользу Китая.

Помимо казахов, репрессиям подверглись уйгуры, проживающие на территории Казахской ССР. Им инкриминировали обвинения в «японском» шпионаже и осуждали их в рамках приказа № 00593. Чистка проводилась преимущественно среди выходцев Кашгара – территория Западного Китая. Объясняется это тем, что еще весной 1937 г. здесь вспыхнуло

²³ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. (Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР по «смешанной» операции).

²⁴ Лубянка... С. 468–469.

²⁵ *Потапова Н.А.* Китайцы в фокусе репрессий Большого террора в Сибири и на Дальнем Востоке // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (25). С. 133–143; *Потапова Н.А.* Антикитайская карательная акция НКВД СССР периода Большого террора в Дальневосточном крае: механизмы и масштабы репрессий // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 3. С. 156–162.

восстание против вмешательства СССР в дела региона, которое удалось подавить при участии Советского Союза только к февралю 1938 г. С этого времени начинаются аресты уйгуров, что заметно увеличило численность репрессированных по приказу № 00593 в Казахстане. Помимо уйгурского населения, по «харбинской» операции прошли корейцы. Здесь по приказу № 00593 было осуждено 230 корейцев и 250 уйгур²⁶. Комиссия НКВД и Прокурора СССР утвердила приговоры в отношении этих категорий в последний день своей работы, т. е. 5 сентября 1938 г. В Казахстане приговоры в отношении этих лиц были суровые: 90 % были приговорены к смертной казни.

Казахская ССР до февраля 1938 г. представила на утверждение Комиссии НКВД и Прокурора СССР семь «альбомов» по «харбинской» операции на 82 человек, в том числе на 10 корейцев. Арестованные корейцы в прошлом были высланы с Дальнего Востока как «неблагонадежные элементы». Однако с февраля 1938 г., когда «национальные» операции были активизированы с новой силой, количество обвиняемых в «японском шпионаже» резко увеличилось. Способствовал росту арестов и новый нарком внутренних дел Казахской ССР С.Ф. Реденс. С февраля до сентября 1938 г. Комиссия НКВД и Прокурора СССР рассмотрела «альбомные» справки, предоставленные Казахской ССР, по приказу № 00593 на 634 человек, из них 220 были составлены на корейцев (34 %). Проведенный нами анализ «альбомных» справок показал, что из 220 человек – 170 человек уже арестовывались ранее в первой половине 1930-х гг. в Дальневосточном крае как «японские шпионы» и были высланы в Казахскую ССР как «неблагонадежные элементы», а 50 человек – депортированы в 1937 г., т. е. в ходе Большого террора они были дважды репрессированы.

По «немецкой», «польской», «румынской», «финской», «эстонской», «латышской» операциям прошли лица, высланные из Украины, Белоруссии, центральных районов России в Казахскую ССР в конце 1920-х–1930-х гг. Среди репрессированных были немцы, поляки, русские, украинцы, белорусы, евреи, молдаване, финны и др. Около 95 % осужденных Комиссией НКВД и Прокурора СССР ранее подвергались преследованиям, однако выбранные меры наказания были значительно мягче. В период Большого террора таких лиц, преимущественно, приговаривали к смертной казни.

Особые тройки в Казахской ССР за два месяца своей работы осудили почти в два раза больше, чем Комиссия НКВД и Прокурора СССР за год своей работы. Особые тройки были образованы в Актюбинской, Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, Кустанайской, Северо-Казахстанской и Южно-Казахстанской областях. Однако в итоговый отчет НКВД о количестве осужденных по приказу № 00606 от 15 ноября 1938 г. вошли данные о результатах «национальных» карательных акций для всего Казахстана, без разбивки по территориям. Несмотря на то, что цифры в этом финальном отчете занижены и приведены не полностью, они показывают общую картину репрессий по «национальным» операциям осенью 1938 г.

За два месяца работы Особые тройки изменили общую картину «национальных» операций в республике. Теперь первое место по количеству жертв заняла «харбинская» операция, по ней прошло 33 % от общего числа осужденных в сентябре–ноябре 1938 г. Численность репрессированных по «немецкой» операции увеличилась почти в четыре раза, по сравнению с периодом работы Комиссии НКВД и Прокурора СССР. «Смешанная» карательная акция распалась на «английскую», «болгарскую», «китайскую» и на более мелкие (которые не вошли в отчет как отдельные репрессивные направления) линии. Согласно отчету НКВД от 15 ноября 1938 г., Особые тройки осудили в Казахской ССР 5 769 человек, что составило около 5,5 % от общего количества жертв, репрессированных этим органом. Решения Особых троек были немного жестче, чем приговоры Комиссии НКВД и Прокурора СССР, высшая мера наказания была применена к 89 % репрессированных, в общесоюзном масштабе этот показатель составлял 69 процентов²⁷.

²⁶ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 10393, 10426.

²⁷ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 42.

Таблица 2

**Численность осужденных Особыми тройками
Казахской ССР по «национальным» операциям**

| Операции | Всего рассмотрено | ВМН | ИТЛ |
|--------------|-------------------|--------------|------------|
| харбинская | 1 935 | 1 759 | 176 |
| немецкая | 1 166 | 1 111 | 55 |
| польская | 1 040 | 961 | 79 |
| прочие | 872 | 716 | 156 |
| английская | 187 | 174 | 13 |
| иранская | 181 | 150 | 31 |
| эстонская | 124 | 122 | 2 |
| румынская | 78 | 66 | 12 |
| латышская | 72 | 68 | 4 |
| финская | 48 | 46 | 2 |
| китайская | 34 | 32 | 2 |
| болгарская | 17 | 13 | 4 |
| афганская | 12 | 12 | 0 |
| греческая | 3 | 3 | 0 |
| Всего | 5 769 | 5 233 | 536 |

Составлено по: ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 42.

Мы не располагаем протоколами Особых троек для всех областей Казахской ССР, однако решения внесудебной инстанции по Восточно-Казахстанской области нами были обработаны. Их анализ показал, что как и во всем Казахстане, здесь доминировали «харбинская» (201 человек), «немецкая» (157 человек) и «польская» (124 человек) линии. Кроме того, территориальные органы НКВД выделяли, помимо общесоюзных, «австрийскую» (1 человек), «болгарскую» (6 человек), «венгерскую» (1 человек), «английскую» (41 человек), «итальянскую» (2 человек), «чехословацкую» (1 человек) и «литовскую» (1 человек) линии²⁸. В Восточно-Казахстанской области продолжали и «китайскую» карательную акцию.

Главной особенностью проведения «альбомных» карательных акций в Казахской ССР стало то, что около 67 % дел, заведенных на арестованных по «национальному» признаку, рассмотрели Особые тройки в двухмесячный срок (середина сентября 1938 г. – середина ноября 1938 г.). Данный факт свидетельствует о том, что единичные аресты по «национальным» операциям перерастают в массовые только с весны 1938 г. Соответственно пик террора в отношении «инонационального» и «иногражданского» населения в Казахской ССР приходится на весну – лето 1938 г. Такая тенденция была также характерна для Туркменской и Узбекской ССР. Причина активизации репрессий связана с окончанием «кулацкой» операции, с этого времени главное место в карательной политике НКВД заняли «национальные» операции.

²⁸ Архив Департамента внутренних дел Восточно-Казахстанской области (Архив ДВД ВКО). Ф. 19. Оп. 2. Д. 4856.

Подводя итог вопросу о масштабах репрессий в Казахской ССР в отношении «инонационалов» и «инограждан», следует отметить, что здесь «линейные» карательные акции прошли сравнительно вяло, несмотря на то, что к 1937–1938 гг. здесь существовали крупные немецкие, польские, корейские и другие колонии. Основное внимание уделялось проведению репрессий по «кулацкому» направлению. В годы Большого террора в республике по приказу № 00447 прошло около 33 тыс. человек²⁹, по «национальным» операциям – почти в 4 раза меньше, около 9 тыс. человек. В целом же, до весны 1938 г. аресты в рамках «линейных» карательных акций были единичны. За время существования «альбомного» порядка рассмотрения дел (август 1937 г. – начало сентября 1938 г.) Комиссия НКВД и Прокурора СССР осудила около 3 тыс. человек, т. е. только треть от общего числа репрессированных по «национальным» операциям. «Харбинская», «польская» и «немецкая» операция стали главными направлениями карательной политики местных чекистов, около 70 % репрессированных были арестованы в рамках приказов №№ 00593, 00485 и 00439. При этом значительная доля осужденных (около 30 %) была обвинена в «японском» шпионаже. Если в общесоюзном масштабе «харбинская» террористическая акция стала третьей по численности жертв, после «польской» и «немецкой», то в Казахской республике ей было отведено первое место. Такую ситуацию можно назвать уникальной, так как она сложилась лишь в четырех советских регионах, в том числе в Дальневосточном крае, Якутской АССР и Узбекской ССР. В целом доля лиц, репрессированных по «национальным» карательным акциям в Казахской ССР, составила около 2,5 % от общего числа осужденных в Советском Союзе по «линейным» приказам 1937–1938 гг.

Литература

Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.

Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. С. 22–43.

Потанова Н.А. «Национальные» операции НКВД СССР в советских республиках Южного Кавказа (сентябрь 1937–ноябрь 1938 гг.) // Вестник архивов Армении. 2018. № 126. С. 293–306.

Потанова Н.А. Антикитайская карательная акция НКВД СССР периода Большого террора в Дальневосточном крае: механизмы и масштабы репрессий // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 3. С. 156–162.

Потанова Н.А. Китайцы в фокусе репрессий Большого террора в Сибири и на Дальнем Востоке // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (25). С. 133–143;

Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый Хронограф, АИРО-XXI, 2008. 632 с.

Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 432 с.

Хлевнюк О.В. Сталин: Жизнь одного вождя: Биография. М.: АСТ, Corpus, 2015. 496 с.

«Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг.: в 2 т. / сост.: М. Юнге, С.А. Кокин, Р. Биннер, А.О. Довбня, Б. Бонвеч, И.Е. Смирнова, Г.А. Бордюгов; под. общ. ред. О.А. Довбни, Л.С. Макаровой. М.: РОССПЭН, 2010.

Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРО-XX, 2003. 352 с.

²⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. / под ред. В. Данилова, П. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000–2005. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2. С. 62.

References

Papkov, S.A. Obyknovennyj terror. Politika stalinizma v Sibiri [Ordinary Terror. The policy of Stalinism in Siberia.]. M.: ROSSPEHN, 2012. 440 s.

Petrov, N.V.; Roginskij, A. B. "Polskaya operaciya" NKVD 1937–1938 ["Polish operation" NKVD] // Repressii protiv polyakov i polskih grazhdan. M.: Zvenya, 1997. S. 22–43.

Potapova, N.A. "Nacionalnye" operacii NKVD SSSR v sovetskih respublikah Yuzhnogo Kavkaza (sentyabr 1937–noyabr 1938) ["National" operations of the NKVD of the USSR in the Soviet republics of the South Caucasus (September 1937–November 1938)] // Vestnik arhivov Armenii. 2018. № 126. S. 293–306.

Potapova, N.A. Antikitajskaya karatel'naya akciya NKVD SSSR perioda Bolshogo terrora v Dalnevostochnom krae: mekhanizmy i masshtaby repressij [Anti-Chinese punitive action of the NKVD of the USSR during the Great Terror in the Far Eastern Territory: mechanisms and scope of repression] // Problemy Dalnego Vostoka. 2018. № 3. S. 156–162.

Potapova, N.A. Kitajcy v fokuse repressij Bolshogo terrora v Sibiri i na Dal'nem Vostoke // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. № 1 (25). S. 133–143.

Teplyakov A.G. Mashina terrora: OGPU–NKVD Sibiri v 1929–1941 [The machine of Terror: OGPU – NKVD of Siberia in 1929–1941]. M.: Novyj Hronograf, AIRO-XXI, 2008. 632 s.

Haustov, V.N.; Samuehlson L. Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 [Stalin, the NKVD and the repression of 1936–1938]. M.: ROSSPEHN, Fond pervogo prezidenta Rossii B.N. Elcina, 2010. 432 s.

Hlevnyuk, O.V. Stalin: Zhizn odnogo vozhdya: Biografiya [The life of one leader. Biography]. M.: AST, Corpus, 2015. 496 s.

"Cherez trupy vruga na blago naroda". "Kulackaya operaciya" v Ukrainskoj SSR 1937–1941 ["Through the corpses of the enemy for the benefit of the people". "Kulak operation" in the Ukrainian SSR, 1937–1941]: v 2 t. / sost.: M. Junge, S.A. Kokin, R. Binner, O.A. Dovbnya, B. Bonvech, I.E. Smirnova, G.A. Bordyugov; pod. obshch. red. O.A. Dovbni, L.S. Makarovoj. M.: ROSSPEHN, 2010.

Junge, M.; Binner, R. Kak Terror stal "Bolshim". Sekretnyj prikaz № 00447 i tekhnologiya ego ispolneniya [How the Terror became "Big". Secret order № 00447 and the technology of its execution]. M.: AIRO-XX, 2003. 352 s.

Статья поступила в редакцию 30.11.2018 г.